

Хань Цзыяо перевёлся в их класс.

Мало того что они жили друг напротив друга в общежитии, так теперь стряслась беда похлеще. Ли Чжи был так раздосадован, что всерьёз подумывал вернуться в больницу и отлежаться там ещё пару месяцев.

Вообще-то Хань Цзыяо изначально учился в классе международной программы A-Level. Его результаты на экзаменах AS были вполне приличными, и если бы он продолжил в том же духе, то без труда сдал бы финальные тесты A2.

Именно поэтому его внезапный перевод в обычный класс для подготовки к гаокао на таком критическом этапе казался совершенно необъяснимым.

Но самым невыносимым было то, что парту Хань Цзыяо определили наискосок позади Ли Чжи.

Хуже не придумаешь. Действительно хуже некуда, ведь за соседней партой сидел Чу Минчжан.

Чу Минчжан сидел на самой последней парте, и место рядом с ним всегда пустовало. Он терпеть не мог лишних контактов, и классный руководитель, прекрасно об этом зная, даже не пытался посадить к нему кого-то ещё. Поэтому, когда Хань Цзыяо заявил, что займёт именно эту парту, учитель заметно замаялся.

— Посадите меня туда, — Хань Цзыяо прищурился и небрежно указал пальцем в самый конец кабинета. — Вон то пустое место в последнем ряду. Я и раньше за последней партой сидел.

— Но это... нужно сначала спросить у Чу Минчжана, не против ли он, — растерянно пробормотал классный руководитель.

Одно только имя Чу Минчжана внушало такой трепет, что любой другой на месте Хань Цзыяо тут же пошёл бы на попятную. Но Цзыяо было плевать на авторитеты.

— Да чего там спрашивать? Он же укатил в свой зимний лагерь у чёрта на куличках и до сих пор не вернулся. Мобильника у него всё равно нет, даже если спросить — не ответит. Какая разница? С сегодняшнего дня я сижу здесь.

Так он с невозмутимым видом и обосновался за пустующим столом Чу Минчжана. Прямо перед ним сидела Гун Цзе, а рядом с ней — Ли Чжи. Оба, мягко говоря, не питали к новому соседу тёплых чувств.

С самой первой секунды, как Цзыяо переступил порог класса, Гун Цзе безостановочно закатывала глаза. Повернувшись к Ли Чжи, она pokrutila пальцем у виска и тихонько прошептала:

— У него точно крыша поехала.

Ли Чжи невольно улыбнулся. Гун Цзе, заглядевшись на его мимолётную улыбку, на мгновение замерла, а потом негромко вздохнула:

— Личжи, тебе нужно чаще улыбаться. Тебе стоит быть счастливее. — Она легла грудью на парту и ласково посмотрела на друга. — Если в какой-то день почувствуешь себя плохо, только скажи мне, я сама отпрошу тебя у учителей.

Гун Цзе была близкой подругой Ли Чжи. Она знала, какой он ранимый, как склонен накручивать себя и что в глубине души он неисправимый пессимист. И всё же она не подозревала, что его недуг зашёл так далеко — вплоть до галлюцинаций.

Хотя у всего этого были свои причины. То, насколько сильно Ли Чжи привязался к Чу Минчжану и как отчаянно искал его общества, происходило у неё на глазах. Ей было до глубины души жаль друга.

Перед началом семестра она переживала даже сильнее самого Ли Чжи. В ночь перед возвращением в школу Гун Цзе так и не смогла уснуть: как сложатся дела теперь, когда Ли Чжи в таком состоянии, а их отношения с Чу Минчжаном зашли в глухой тупик? Что будет, когда они встретятся лицом к лицу? Справится ли Ли Чжи? Не разобьёт ли это ему сердце окончательно?

Поэтому, когда до неё дошли слухи, что Чу Минчжан всё ещё пропадает в заграничном лагере, она испытала искреннее облегчение. Возможно, Ли Чжи окажется сильнее, чем казалось, и за это время сможет наконец отпустить прошлое.

Ли Чжи лишь мягко улыбнулся ей одними глазами:

— Хорошо.

Отсутствие Чу Минчжана приносило Ли Чжи горькое разочарование, смешанное с робким облегчением. Он отчаянно скучал по нему, но совершенно не представлял, как теперь себя вести. Страх перед неизбежной встречей лишал его покоя.

Пожалуй, так было даже лучше. Хотя Ли Чжи не мог не удивляться тому, как много в последнее время у Минчжана появилось олимпиад, конкурсов и тренировочных сборов.

Впрочем, его это больше не касалось. Ли Чжи надеялся, что без Чу Минчжана его будни потекут серо и размеренно, а душевные бури поутихнут.

Но он жестоко ошибался.

Хань Цзыяо...

Ли Чжи в раздражении натянул одеяло по самые уши, повернулся на бок и закрутился в него, точно кокон гусеницы.

Если бы за убийство не сажали в тюрьму, Хань Цзыяо определённо стал бы его первой жертвой.

«Ну как можно быть таким несносным эгоистом? — со злостью подумал Ли Чжи. — Полночь на дворе, а они устраивают в комнате пьяные посиделки, размахивают кулаками, гремят костями, да ещё и музыку врубают так, словно у нас тут землетрясение! У этого придурка вообще мозг в голове есть?»

В конце концов терпение Ли Чжи лопнуло. Он соскочил с кровати и решительно направился к двери напротив.

Весенние заморозки давали о себе знать. Стоя в тонкой пижаме в насквозь продуваемом коридоре, он едва не превратился в ледышку, пока ждал, когда за дверью соизволят откликнуться. Лишь спустя несколько минут замок наконец неохотно щёлкнул.

Комнаты в общежитии были рассчитаны на одного человека и отличались простором, но сейчас внутри набилась целая толпа парней, отчего помещение казалось крошечным. Стоило двери распахнуться, как на Ли Чжи обрушилась оглушительная лавина звуков. На полу сиротливо жались пустые бутылки из-под элитного шампанского «Арман де Бриньяк». Спрашивается, какой смысл глушить этот дорогуший алкоголь в душной каморке общежития, вместо того чтобы пойти в приличный клуб?

Хань Цзыяо в этот момент как раз азартно разыгрывал с приятелем партию на пальцах, размахивая руками так яростно, словно накладывал заклятие. Услышав шум, он решил, что пришёл дежурный комендант, и недовольно вскинул голову. Но вместо грозного надзирателя перед ним предстал съёжившийся от холода Ли Чжи в одной пижаме.

Цзыяо заметно опешил. Он медленно опустил руки и жестом велел приглушить колонки.

— Ты... ты чего тут забыл? — спросил он, шмыгнув носом. — Дело какое-то? Ну так выкладывай быстрее, я вообще-то занят.

У Ли Чжи от злости задёргалось веко. С трудом сдерживая дрожь, он глубоко вздохнул:

— Хань Цзыяо, будь добр, посмотри на часы.

Тот недоумённо вскинул запястье.

— Всего десять вечера, — фыркнул он. — Детское время.

Затем он окинул Ли Чжи оценивающим взглядом с ног до головы и цыкнул:

— Ты что, дрыхнуть собрался? И вечно ты заваливаешься в такую рань. Тебе сколько часов для счастья надо? Ты сурок, что ли?

Надо признать, сейчас Хань Цзыяо вёл себя с ним куда мягче, чем раньше. Прежний Цзыяо не упустил бы возможности поиздеваться и наговорить гадостей.

Ли Чжи упрямо поджал губы:

— Да, я хочу спать.

Он уже внутренне приготовился услышать привычное «твои проблемы» или «спи у себя, а мне не мешай». Хань Цзыяо отродясь не умел считаться с чужими интересами. Однако тот лишь неопределённо повёл бровями.

— Ладно, закругляемся, — бросил он приятелям.

Компания без лишних слов принялась спешно убирать бутылки и выключила плеер. Хань Цзыяо снова повернулся к притихшему соседу:

— С сегодняшнего дня обещаю не шуметь после десяти вечера. Идёт?

Ли Чжи опешил. Он никак не ожидал от этого грубияна такой покладистости. Раз инцидент был исчерпан, спорить больше не имело смысла. Кивнув, он негромко выдавил «спасибо» и уже развернулся, чтобы уйти, как его окликнули:

— Погоди.

Ли Чжи оглянулся. Хань Цзыяо лениво привалился к дверному косяку, скрестив руки на груди, и вскинул подбородок:

— Я ещё не договорил. Куда ты так торопишься?

— Что ещё? — устало спросил Ли Чжи.

Хань Цзыяо оттолкнулся от стены и неспешно двинулся вперёд. Ли Чжи инстинктивно попятился, пока не упёрся спиной в холодный угол коридора. Идти было некуда. Пришлось остановиться и снизу вверх посмотреть на нависшего над ним парня.

На губах Цзыяо заиграла едва заметная ухмылка. Он склонился ближе к его лицу:

— У меня есть одно условие.

У Ли Чжи по спине пробежал холодок, а сердце испуганно затрепетало в груди. Но то, что он услышал следом, заставило его округлить глаза:

— Начиная с завтрашнего дня, после уроков ты будешь приносить мне попить на баскетбольную площадку.

— Но у корта стоят автоматы с газировкой, да и кулеры с бесплатной водой работают круглосуточно, — Ли Чжи искренне не понимал мотивов этого каприза. — Зачем тебе я?

Он и сам не понял, чем задел Хань Цзыяо, но тот вдруг вспыхнул на ровном месте:

— Сказал приносить, значит, приноси! Нечего тут дискуссии разводить! Будешь упрячиться — я каждый день буду устраивать здесь тусовки до пяти утра. Хрен ты у меня вообще уснёшь!

С этим упрямцем было бесполезно спорить. Ли Чжи предпочёл промолчать, но Хань Цзыяо требовал немедленной капитуляции:

— Ну так что, договорились?

Тяжело вздохнув, Ли Чжи сдался:

— Ладно. Хорошо, я буду приносить.

Лицо Цзыяо сразу потеплело, гнев сменился самодовольным выражением.

— Я буду заранее писать тебе, чего хочу. купишь это в минимаркете и принесёшь точно к концу тренировки. Только смотри, чтобы напиток был ледяным. Понял меня?

Принятое перед сном лекарство начало действовать. Глаза Ли Чжи слипались, мысли путались. Чтобы поскорее избавиться от этого деспота, он усердно закивал.

Хань Цзыяо пристально вгляделся в его сонное лицо. Вспомнив о чём-то неприятном, он помрачнел и добавил со злостью:

— Ты ведь эту процедуру уже до автоматизма отработал, верно? Не вздумай лажать со мной, иначе сильно пожалеешь!

— Да, да, — послушно поддакнул Ли Чжи, мечтая лишь о подушке. — Я всё понял.

Раньше Ли Чжи действительно изо дня в день проделывал это: рассчитывал каждую минуту, чтобы вовремя прибежать на площадку и протянуть бутылку Чу Минчжану. Стоило тому выйти на паркет, как Ли Чжи уже ждал у кромки поля. В любую погоду, невзирая на дождь или зной, это вошло у него в привычку.

Минчжана больше не было рядом, а новый «подопечный» оказался куда капризнее. Хань Цзяо гонял его по любому поводу, каждый день придумывая новые причуды.

Вскоре одними напитками дело не ограничилось. Цзяо начал требовать, чтобы Ли Чжи ходил с ним на ужины, затем посягнул на обеды, и в конце концов они стали неразлучны за каждым приёмом пищи. А потом и вовсе начали вместе ходить на уроки и возвращаться в общежитие.

Ли Чжи снова примерил на себя роль безропотного хвостика, только на этот раз его «хозяин» вызывал у него одно лишь раздражение. Хань Цзяо жутко бесил его. Но стоило Ли Чжи проявить хоть каплю строптивости, как тот немедленно доставал свой главный козырь — угрозу лишить его сна.

Ли Чжи честно пытался подать заявление на смену комнаты, но комендант лишь разводил руками: свободных мест в общежитии не было, расселить их не представлялось возможным.

Делать было нечего. Пришлось засунуть гордость подальше и терпеть это соседство.

Хань Цзяо раздражал его до зубовного скрежета. Этот соня обожал дрыхнуть до обеда, из-за чего Ли Чжи вечно опаздывал на первый урок, пытаясь его добудиться. Но уйти одному было ещё опаснее — гнев Цзяо сулил бессонную ночь.

К тому же Ли Чжи искренне не понимал: если Хань Цзяо при каждом удобном случае заявлял, что еда в школьной столовой годится разве что для свиней, то какого чёрта он упрямо тащился туда вслед за ним?

Как-то раз в обеденный перерыв, наблюдая, как Хань Цзяо с брезгливой миной ковыряет палочками кусок рыбы, Ли Чжи не выдержал:

— Раз тебе так претит местная стряпня, зачем ты ходишь сюда со мной?

Ли Чжи к тому моменту уже закончил обед. Хань Цзяо, потеряв остатки аппетита, отложил приборы и бесцеремонно потащил его к выходу, выбрав короткую дорогу через внутренний двор к учебному корпусу.

На ходу он раздражённо фыркнул:

— Думаешь, я по своей воле эти помои глотаю? Да ты же у нас ленивый до невозможности! Тебя ни за какие коврижки из школы в нормальный ресторан не вытащишь. Вечно у тебя миллион отговорок: то аппетита нет, то тащиться неохота. Из обычной еды проблему делаешь! И какой от тебя вообще прок? Запереть бы тебя в четырёх стенах, чтобы ты только и делал, что спал по двадцать часов в сутки!

Ли Чжи с трудом сдержал раздражение.

«Ну так и катился бы к своим друзьям, чего ты ко мне-то пристал?» — мысленно огрызнулся он.

Хань Цзыяо и не думал давать ему вставить слово. Он вытащил из кармана телефон и сунул экран прямо под нос Ли Чжи:

— Всё, с меня хватит. Вечером идём сюда.

На дисплее светилась страница французского ресторана. Ли Чжи мазнул равнодушным взглядом по экрану и сразу отвернулся. Заметив это безучастие, Хань Цзыяо недовольно цыкнул, бесцеремонно обхватил его ладонью за затылок и силой развернул обратно к экрану.

Ли Чжи попытался вырваться, но в этот момент боковым зрением уловил до боли знакомый силуэт.

В одно мгновение все мысли испарились из головы. Ли Чжи застыл, точно вкопанный.

— Ну? Чего завис? Идём или нет? — так и не дождавшись ответа, Хань Цзыяо окончательно потерял терпение. Он повернулся к Ли Чжи и осёкся, заметив, как неестественно вытянулся и замер его спутник.

Хань Цзыяо нахмурился и проследил за его остекленевшим взглядом. На дорожке чуть в стороне стоял Чу Минчжан.

— О, какие люди, — Хань Цзыяо не убрал руку с затылка Ли Чжи, лишь слегка сместил пальцы ниже, едва касаясь его тёплой шеи. В этой двусмысленной позе он застыл, с вызовом глядя на соперника. — И когда это ты соизволил вернуться? Что ж не предупредил? Как съездил? Интересно было в лагере? Если да, то в следующий раз я тоже составлю тебе компанию.

— Ничего особенного.

Чу Минчжан поправил лямку рюкзака и двинулся дальше. Лицо его оставалось холодным, а голос звучал пугающе ровно. За всё это время он ни разу не взглянул на Ли Чжи.

Словно перед ним стоял абсолютно чужой человек.

<http://bllate.org/book/20441/2192738>